

Трансформация внешнеполитической стратегии Исламской Республики Иран на Южном Кавказе

Григорий А. Синдревич

Дипломатическая академия МГИМО МИД России, Москва, Россия,

sindrevitch@gmail.com

Аннотация: статья посвящена анализу трансформации внешнеполитической стратегии Исламской Республики Иран на Южном Кавказе в период 1991–2025 годов. Актуальность исследования определяется необходимостью понимания долгосрочных трендов иранской дипломатии в условиях радикальных изменений регионального баланса сил после Второй Карабахской войны 2020 года, ослабления позиций России, усиления Турции и Азербайджана, а также активного вовлечения западных акторов в дела региона. На основе хронологического и сравнительного анализа выделены три ключевых этапа эволюции: идеологический энтузиазм постсоветского периода (1990-е годы), оформление и отработка гибридной модели (2001–2020 годы) и вынужденная адаптация к новым реалиям после 2020 года.

Показано, что постоянными факторами остаются защита территориальной целостности от пантюркизма, обеспечение коридора «Север–Юг» и противодействие западному влиянию, в то время как переменные факторы (санкции, сдвиги в региональной конфигурации, внутривосточные изменения в Армении и Азербайджане) вынуждают Тегеран к постоянной корректировке инструментария.

Ключевые слова: внешняя политика Ирана, Южный Кавказ, гибридная политика, исламская революция, Нагорный Карабах, транспортный коридор «Север–Юг», региональная безопасность, Россия и Иран, пантюркизм, санкции.

Для цитирования: Синдревич Г.А. Трансформация внешнеполитической стратегии Исламской Республики Иран на Южном Кавказе. *Проблемы постсоветского пространства*. 2026;13(1):42–53. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2026-13-1-42-53>

Поступила 17.01.2026

Принята в печать 25.02.2026

Опубликована 30.03.2026

Transformation of the Foreign Policy Strategy of the Islamic Republic of Iran in the South Caucasus

Grigorii A. Sindrevich

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,
sindrevitch@gmail.com

Abstract: the article is devoted to the theoretical and methodological analysis of the transformation of the foreign policy strategy of the Islamic Republic of Iran in the South Caucasus during 1991–2025. The relevance is determined by the need to understand long-term trends in Iranian diplomacy amid radical changes in the regional balance of power after the Second Karabakh War of 2020, the weakening of Russia's positions, the strengthening of Turkey and Azerbaijan, and active Western involvement in regional affairs. Based on chronological and comparative analysis, three key stages of evolution are identified: ideological enthusiasm in the post-Soviet period (1990s), formation and refinement of the hybrid model (2001–2020), and forced adaptation to new realities after 2020.

It is shown that permanent factors include protection of territorial integrity from pan-Turkism, ensuring the North–South corridor, and countering Western influence, while variable factors (sanctions, shifts in regional configuration, domestic political changes in Armenia and Azerbaijan) force Tehran to constantly adjust its toolkit.

Keywords: Iranian foreign policy, South Caucasus, hybrid policy, Islamic revolution, Nagorno-Karabakh, North–South transport corridor, regional security, Russia–Iran relations, pan-Turkism, sanctions

For citation: Sindrevich G.A. Transformation of the Foreign Policy Strategy of the Islamic Republic of Iran in the South Caucasus. *Post-Soviet Issues*. 2026;13(1):42–53. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2026-13-1-42-53>

Received 17.01.2026

Revised 25.02.2026

Published 30.03.2026

ВВЕДЕНИЕ

Внешняя политика Исламской Республики Иран с момента её основания в 1979 году представляет собой уникальный и многогранный феномен, в котором изначально был заложен динамический дуализм [1]. С одной стороны, она зиждется на устойчивом идеологическом фундаменте, сформированном доктриной «велят-е факих», конституционными нормами

и революционной риторикой, провозглашающей принципы исламской солидарности и противостояния «глобальному угнетению». С другой стороны, она демонстрирует удивительную подвижность, прагматичную гибкость и способность к глубокой адаптации в ответ на вызовы меняющейся международной обстановки. Взаимодействие неизменных идеоло-

гических основ и высокой изменчивости практических подходов образует главную аналитическую трудность и центральную проблему исследования иранской внешней политики — как на международной арене в целом, так и на южнокавказском направлении в частности.

Южный Кавказ, как регион, исторически входящий в сферу жизненно важных интересов Ирана, после распада Советского Союза в 1991 году вновь стал зоной стратегического внимания Тегерана. Возникновение на северной границе трех новых независимых государств — Азербайджана, Армении и Грузии, открыло для страны как новые возможности, связанные с перспективами экономического транзита, углубления культурно-религиозных связей и усиления своего влияния в качестве ключевой региональной державы, так и серьезные вызовы, происходящие из сложной палитры региона, включающей этнические конфликты, активное присутствие таких мощных внешних игроков, таких как Россия, Турция, США, а также рост националистических и сепаратистских тенденций, потенциально способных дестабилизировать и сам Иран.

Таким образом, трансформация внешнеполитической стратегии ИРИ на Южном Кавказе в период с 1991 по 2025 годы представляет собой перспективный кейс для изучения, анализа и выявления проблем иранской системы дипломатии. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью не просто ретроспективного описания событий, но и выявления системных закономерностей, механизмов и трендов, определяющих поведение Тегерана в этом важном для него регионе.

Внешиполитический курс Исламской Республики Иран с момента её основания представляет собой сложный и зачастую

парадоксальный синтез двух противоположных начал: идеологического, уходящего корнями в исламскую революцию 1979 года, и прагматичного, обусловленного национально-государственными интересами. Этот дуализм, часто описываемый как противостояние и взаимодействие институтов «Революции» (олицетворяемых Корпусом стражей исламской революции и ультраконсервативными кругами) и «Государства» (в лице Министерства иностранных дел и президентской администрации), формирует уникальную модель поведения на международной арене.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИРАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Необходимо отметить устойчивые факторы, составляющие идейный фундамент иранской внешней политики, остающиеся относительно неизменными на протяжении десятилетий. К ним относятся:

- Конституционные нормы и доктрина «веляят-е факих»: Верховенство правления религиозного права является краеугольным камнем политической системы ИРИ. Эта установка определяет подчиненность внешней политики высшим религиозно-идеологическим целям и обеспечивает сохранение стратегического курса, направленного на защиту исламского строя, независимо от колебаний на внешнеполитической арене.

- Шиитская идеология и поддержка «угнетенных»: Иран позиционирует себя как лидера шиитского, а в частности и мусульманского мира, защитника обездоленных («мостазафин») против глобального угнетения («мостакбарин») [2]. Эта риторика служит инструментом легитимации режима внутри страны и оправдания его политики вмешательства в регионе, как, например, поддержка шиитских групп в странах Ближнего Востока, таких

как Хуситы в Сев. Йемене и движение «Хезболла» в Ливане.

– Принцип «Ни Восток, ни Запад» [3]: Историческое недоверие к ранее существовавшей дихотомичной системе взаимодействия сверхдержав – США и СССР, унаследованное от революционной эпохи, продолжает в значительной степени влиять на стратегическое мышление Тегерана и сегодня, заставляя его искать пути создания многополярной системы международных отношений и избегать стратегического альянса как с США, так и с Россией или Китаем.

Однако, как наглядно демонстрирует динамика событий на Южном Кавказе, в реальной политике эти постоянные факторы постоянно корректируются под воздействием переменных факторов:

– Экономическая необходимость и санкционное давление: Жесткие международные санкции вынуждают Иран развигивать гибкие, подчас теневые, механизмы экономического взаимодействия. Прагматичные торговые и энергетические сделки, как с соседними странами, так и с отдаленными партнерами, часто вступают в противоречие с декларируемой «идеологической чистотой».

– Изменения в региональном балансе сил: Иран вынужден постоянно адаптироваться к действиям других региональных игроков. Ярким примером является его политика в Закавказье после Второй карабахской войны

2020 года [4]. Усиление Турции и Азербайджана, ослабление позиций России на Южном Кавказе, которое ярко проявилось в 2023 году, когда Азербайджан восстановил контроль над Нагорным Карабахом без активного вмешательства российских миротворцев,

а Армения заморозила участие в ОДКБ и начала военно-техническое сотрудничество с Францией и США, заставили Тегеран проводить тонкую и многовариантную политику, которая включает и сдержанный диалог с Баку, несмотря на идеологические разногласия и опасения по поводу распространения идеологии пантюркизма. Попытки сохранить остатки влияния в Армении, и поиск новых форматов взаимодействия (например, в рамках БРИКС), дополнительно свидетельствуют о приоритете национальной безопасности и экономических выгод над главенством идеологии.

– Прагматичные отношения: История отношений Ирана с христианской Арменией, несмотря на декларируемый радикальный курс в рамках идеи исламской революции, – классический пример такого прагматизма. Этот союз исторически был направлен на сдерживание Азербайджана и экранирование турецкого влияния, что соответствует национальным интересам Ирана как государства, а не идеалам революции.

Классические теории международных отношений (неореализм, либеральный институционализм) не позволяют в полной мере раскрыть специфику внешней политики Исламской Республики Иран. Они зачастую не в состоянии объяснить синхронное применение идеологически антагонистических методов и существование параллельных, порой противоречащих друг другу стратегий. В качестве более эффективного аналитического инструмента выступает концепция «гибридной внешней политики» (Hybrid Foreign Policy) [5], которая позволяет объяснить внутреннюю логику иранского внешнеполитического поведения¹.

¹ Constitution of the Islamic Republic of Iran (adopted in 1979, amended in 1989). <https://www.shora-gc.ir/en/news/87/constitution-of-the-islamic-republic-of-iran-full-text> (дата обращения: 22.12.2025)

«Гибридная внешняя политика» понимается как стратегия, при которой государство целенаправленно и системно сочетает легитимные, публичные методы дипломатии с неформальными, зачастую непубличными или тайными, инструментами воздействия, стирая границы между официальной и неофициальной, легальной и нелегальной, идеологической и прагматичной деятельностью. Эта модель не является случайным набором тактик, а представляет собой последовательную систему, адаптированную для функционирования в условиях санкций, международной изоляции и острой геополитической конкуренции.

В контексте иранской политики на Южном Кавказе гибридность проявляется через ряд взаимосвязанных направлений:

Инструментальная гибридность: Иран одновременно задействует весь спектр доступных ему средств:

- Официальная дипломатия: Участие в переговорах, двусторонние визиты на уровне министров и президентов, работа в рамках многосторонних форматов (ООН, ШОС, БРИКС).

- Экономические рычаги «мягкой силы»: Использование как легальных торговых и инфраструктурных проектов (например, обсуждение транзитных коридоров), так и создание сложных, непрозрачных финансовых схем и сетей для обхода санкций, часто через соседние страны, а также использование своего статуса как нефтяной державы для поддержки внешнеполитических целей и задач.

- Силовое и вооружённое прокси-влияние: Демонстрация военной мощи через учения, а также, что является ключевым элементом гибридности, неофициальное использование возможностей Корпуса стражей исламской революции (КСИР) и его подразделения «Кудс»

для установления контактов с местными акторами в регионе, что создает дополнительные рычаги давления помимо официальных каналов.

- Идеологическая сила: Поддержка шиитских общин в регионе (например, в Азербайджане), распространение религиозной и культурной пропаганды, что служит долгосрочному укреплению влияния.

Целевая гибридность: Иранская стратегия ориентирована на дифференцированные внутривнутриполитические аудитории. Она ведет диалог с официальными властями, одновременно пытаясь заручиться поддержкой или нейтрализовать влияние оппозиционных групп, этнических меньшинств или деловых кругов, чьи интересы могут не совпадать с курсом официального правительства (как например культивация про-иранских настроений среди азербайджанских талышей).

При всём вышесказанном, Иран демонстративно поддерживает два параллельных внешнеполитических нарратива:

- Революционно-идеологический нарратив: для внутренней аудитории и региональных союзников, подчеркивающий сопротивление Западу, исламскую солидарность и антисионизм.

- Прагматично-государственный нарратив: для международной арены и двусторонних отношений, акцентирующий внимание на важности суверенитета, взаимной выгоды, региональной стабильности и международном праве.

Таким образом, анализ концепции гибридной внешней политики предоставляет ключ к пониманию того, что сочетание поддержки Армении вкупе с попытками поддерживать диалог с Азербайджаном по вопросам безопасности, использование этно-религиозных мотивов параллельно с государственной дипломатией, – это

не хаос, а многоканальная стратегия, нацеленная на примирение фундаментальных основ современной иранской государственности с вызовами нового времени. Она направлена на максимизацию влияния и минимизацию рисков в нестабильном регионе, где сталкиваются интересы крупных держав, а малые государства, как показывает пример последних лет, вынуждены проводить крайне гибкую политику.

Гибридная внешняя политика Исламской Республики Иран, сочетающая идеологические императивы исламской революции с прагматическими государственными интересами, демонстрирует высокую адаптивность и тактическую эффективность в условиях санкционной изоляции и динамичного регионального баланса сил. На Южном Кавказе этот подход позволил Тегерану сохранить стратегическое присутствие несмотря на усиление Турции, Азербайджана и западных акторов, а также снижение роли России как гаранта статус-кво. Многоканальность инструментов, гибкость приоритетов и диверсификация нарративов обеспечивают минимизацию рисков и максимизацию влияния, однако внутренняя противоречивость, ограниченная предсказуемость и зависимость от внешних факторов самой модели гибридной внешней политики. В среднесрочной перспективе модель остаётся оптимальной стратегией выживания, но для обеспечения долгосрочной устойчивости требуется превращение прагматического подхода в устойчивую институциональную практику при сохранении революционной идентичности².

ИНТЕРЕСЫ И ВЫЗОВЫ ИРАНА НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

Интерес Исламской Республики Иран к Южному Кавказу является не ситуа-

тивным, а устойчивым и системным, проистекающим из совокупности фундаментальных факторов, которые определяют восприятие региона как зоны жизненно важных национальных интересов. Этот интерес многогранен и охватывает вопросы безопасности, экономики и идеологии.

Иран имеет прямую сухопутную границу с Арменией (35 км), Азербайджаном (611 км) и анклавом Нахичевань (179 км). Это делает его непосредственным соседом региона, любые потрясения в котором напрямую сказываются на его собственной стабильности.

На северо-западе Ирана компактно проживает многомиллионная азербайджанская диаспора. Тегеран крайне чувствителен к любым проявлениям ирредентизма и пантюркистской риторики, исходящим из Баку и подпитываемым Анкарой, рассматривая их как прямую угрозу территориальной целостности страны [6]. Усиление тюркского элемента в регионе, особенно в союзе с Турцией, воспринимается Ираном как стратегический вызов.

Иран рассматривает себя как ключевое звено в международном транспортном коридоре «Север–Юг» [7], связывающем Россию и Индию через Каспийское море и свою сухопутную территорию. Стабильность и лояльность стран Южного Кавказа критически важны для реализации этого проекта, который сулит Тегерану значительные экономические и геополитические дивиденды. В условиях жестких международных санкций Южный Кавказ представляет для Ирана жизненно важное «окно» для экономического взаимодействия в том числе с Россией и Китаем. Через этот регион осуществляются товарообмен, финансовые

² Constitution of the Islamic Republic of Iran (adopted in 1979, amended in 1989). <https://www.shora-gc.ir/en/news/87/constitution-of-the-islamic-republic-of-iran-full-text> (дата обращения: 22.12.2025)

операции и доступ к рынкам соседних стран и России. Экономические ниши, создаваемые в Армении и Грузии, позволяют Ирану смягчать последствия изоляции.

Таким образом, Южный Кавказ представляет для Ирана не просто зону стратегических интересов, но и сложное, многомерное поле, где возможности для усиления влияния неразрывно связаны с серьезными системными вызовами. Специфика региона заставляет Тегеран проводить крайне гибкую, многовариантную и зачастую реактивную политику, балансируя между противоречивыми целями и постоянно корректируя свои подходы.

Регион является ареной острой конкуренции между Россией, Турцией, США, НАТО и Европейским союзом. Иран вынужден постоянно маневрировать в этой сложной конфигурации, избегая открытой конфронтации, но и не допуская доминирования какого-либо одного враждебного ему игрока. Например, ослабление российского влияния в Армении сформировало для Тегерана дихотомию риска (интенсификация прозападной ориентации Еревана) и возможности (эксплорация альтернативных модальностей взаимодействия без референции к Москве).

Иран не может позволить себе роскошь однозначного выбора в пользу одного лагеря. Его политика представляет собой постоянное лавирование: прагматичное взаимодействие с Россией по одним вопросам (например, в рамках БРИКС) при одновременном соперничестве в других; сдержанное противодействие Турции, уравновешиваемое торгово-экономическим сотрудничеством; активное противодействие политике США и НАТО по экспансии в регионе.

Наличие потенциальных очагов напряженности, таких как Абхазия и Южная Осетия, а также разрешенного

конфликта в Нагорном Карабахе, устойчиво генерирует риски дестабилизации региона. Так, после ликвидации НКР и выхода Азербайджана на государственную восточную границу 1991 г., всё чаще начинают звучать призывы к «прорыву» Зангезурского коридора и аннексии южных областей Армении с целью создания беспрепятственного логистического транзита между Баку и Анкарой. И хотя данный потенциальный конфликт и был частично купирован в августе 2025 г. с созданием «маршрута Трампа ради мира и процветания» (т.н. «TRIPP»), данный кейс наглядно показал, что даже за решением одного конфликта всегда лежит потенциально новый, латентный конфликт.

В связи с этим, Иран нацелен проводить ярко выраженную дифференцированную политику в отношении трех государств региона. Отношения с Азербайджаном, на фоне триумфа Баку в Нагорном Карабахе, строятся на сложной смеси исторического недоверия, идеологического антагонизма и вынужденного прагматизма. Иран вынужден сдерживать политическую и экономическую экспансию Баку, не доводя до открытого конфликта.

Уже ставший традиционным прагматический союз с Арменией, основанный на принципе «враг моего врага», в данный момент является наиболее перспективным направлением развития Ирано-Армянских отношений. Однако стремительная проевропейская реориентация внешнеполитического курса Еревана в 2024 году ставит под вопрос долгосрочную устойчивость этой модели, вынуждая Иран искать новые точки соприкосновения с армянским руководством.

Партнерство с Грузией носит в основном экономический характер. Для Ирана Грузия - важный канал связи с Европой и механизм обхода санкций. Внутренняя

нестабильность в Грузии, связанная с противостоянием власти и прозападной оппозиции, представляет для Тегерана риск, так как приход к власти прозападных сил может привести к закрытию этого жизненно важного «окна». Тем не менее, в данном государстве доминирующее иранское влияние в значительной степени нейтрализуется резким усилением российского присутствия за последние несколько лет, что приводит к делегированию Москвой большей доли ответственности за предотвращение прозападной ориентации страны.

Страны Южного Кавказа активно отстаивают свой суверенитет и проводят многовекторную политику, что делает их менее предсказуемыми партнерами. Кризис отношений Азербайджана и России, связанный с падением рейса 8243 под Актау в декабре 2024 г., наглядно демонстрирует как ранее положительно-нейтральный курс в отношениях двух стран может стремительно измениться на негативную, если не сказать враждебную риторику со стороны Азербайджана в адрес Российской Федерации. Подобная реактивность требует от Ирана высокой степени адаптационной способности.

Потеря активного вовлечения России в регион Южный Кавказ и усиление Турции и Азербайджана кардинально меняют баланс сил. Иран вынужден заново выстраивать балансировку в условиях, когда традиционные схемы (например, опора на российско-армянский союз как противовес Азербайджану) перестают работать. Таким образом, специфика Южного Кавказа для Тегерана заключается в его высокой динамичности и непредсказуемости. Регион представляет для Ирана не статичную шахматную доску, а постоянно меняющийся ландшафт, где сегодняшний партнер завтра может стать проблемой, а угроза — возможностью. Это

заставляет иранское руководство отказываться от жестких идеологических схем в пользу ситуативного прагматизма и гибридных подходов, позволяющих гибко реагировать на любые изменения региональной конъюнктуры.

Таким образом, Южный Кавказ предстаёт для Ирана не статичной ареной геополитической игры, а динамичным полем, где стратегические императивы безопасности, экономической выгоды и идеологического влияния требуют постоянной калибровки подходов в ответ на эволюцию региональной конфигурации. Эта необходимость адаптации, обусловленная высокой волатильностью баланса сил и непредсказуемостью локальных акторов, логически подводит к анализу исторической траектории иранской стратегии в регионе — от постсоветского энтузиазма до зрелой гибридной модели, прошедшей испытание радикальными трансформациями 2020–2025 годов.

ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ИРАНА НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ (1991–2025 гг.)

Рассмотрим подробнее на примере распада Советского Союза в 1991 году и появление на северных границах Ирана трех новых независимых государств стали для Тегерана одновременно и историческим шансом, и серьезным вызовом. Этот период характеризовался попыткой совместить революционный идеологический импульс с необходимостью выстраивания прагматичных отношений в радикально новой геополитической реальности.

Первоначальная реакция Тегерана характеризовалась наивным энтузиазмом, проистекавшим из революционной риторики недавно вышедшего победителем из кровопролитной Ирано-Иракской войны революционного режима. Тегеран

видел в коллапсе «безбожного» советского режима шанс для «экспорта исламской революции» на северном направлении, ранее упущенный в Арабском Мире из-за противостояния с Ираком, и укрепления шиитского влияния в регионе, особенно в Азербайджане. Были предприняты попытки наладить религиозные и культурные связи, поддерживались исламистские группы.

Однако очень быстро эти идеологические устремления натолкнулись на ситуативные препятствия. Правящие элиты новых государств, особенно в Азербайджане, несмотря на шиитское большинство, придерживались строго светской, националистической и прозападной ориентации, видя в иранском влиянии угрозу своей собственной власти и идентичности. Активность Ирана в Азербайджане вызвала резкую обратную реакцию. Баку начал обвинять Тегеран в поддержке сепаратистских настроений среди персидско-говорящих этнических меньшинств, в свою очередь развернув аналогичную кампанию в Иранском Южном Азербайджане. Это заставило Иран свернуть открытую идеологическую экспансию, так как угроза собственной территориальной целостности быстро была признана приоритетом.

Ключевым моментом, определившим прагматичный поворот иранской политики, стал начавшийся Нагорно-Карабахский конфликт. Несмотря на декларируемую исламскую солидарность, Иран де-факто встал на сторону христианской Армении в ее противостоянии с тюркским и шиитским Азербайджаном. Иран стал одним из основных источников энергоносителей и поддержки логистики для фактически заблокированной Армении, получив важный рычаг влияния на Ереван и обеспечив себе геополитическую выгоду. Этот, казалось бы, парадоксальный выбор был

продиктован трезвым расчетом национальных интересов: усиление Азербайджана, поддержанного Турцией, воспринималось Тегераном как прямая угроза, способная разжечь националистические настроения внутри его собственного азербайджанского населения. Поддержка Армении позволяла создать противовес азербайджано-турецкому тандему и не допустить монополизации влияния в регионе со стороны Турции. Ослабление Азербайджана и его переход в сферу влияния был также в интересах Тегерана.

Иран пытался позиционировать себя в качестве посредника в карабахском конфликте, однако его усилия не увенчались успехом. Относительная слабость Ирана в 1990-е г., как следствие Ирано-Иракской войны, его международная изоляция и очевидная предвзятость не позволили ему конкурировать с форматом Минской группы ОБСЕ во главе с Россией, США и Францией.

Итогами этапа 1991-2001 гг. стали для Ирана временем поиска ориентиров и формирования основы его будущей гибридной модели. Идеологический порыв быстро уступил место прагматизму, основанному на принципах балансирования и сдерживания. Ключевым результатом стало установление прочного, хотя и не афишируемого, стратегического партнерства с Арменией и выработка осторожной, подозрительной линии в отношении Азербайджана. В отношениях с Грузией преобладал в основном экономический интерес. К концу периода Иран осознал ограниченность своих ресурсов и необходимость действовать в условиях сильной конкуренции со стороны внешних игроков, а также оттягивания имеющихся ресурсов на другие «фронты», в том числе Палестинский в рамках противостояния с Израилем, что заложило основу

для более гибкой и многоплановой стратегии в последующее десятилетие.

Период с 2001 по 2020 год стал для иранской стратегии на Южном Кавказе временем оформления и отработки той самой гибридной модели. Этот подход, основанный на синтезе риторики и прагматизма, был доведен до совершенства в ответ на ужесточение санкционного режима на фоне кризиса вокруг попыток Ирана по созданию собственного атомного оружия и усугубление региональной конкуренции.

Этап с 2020 по 2025 год, инициированный Второй Карабахской войной, можно интерпретировать как фазу принудительной адаптации и оценки устойчивости сложившейся модели к радикально трансформировавшимся условиям, фоновой кульминацией которых выступило прямое вооружённое противостояние с Израилем и США.

Если в 1990-е гг. синтез риторики и прагматизма был вынужденной мерой, то в данный период он стал осознанной стратегией. Революционная риторика окончательно превратилась из руководства к действию в инструмент легитимации для внутренней аудитории и идеологических союзников. На фоне ослабления позиций КСИР в ходе ударов США, кульминацией которых стала ликвидация генерала Сулеймани, приведение к жизни подобной стратегии стало куда более простым делом. Реальные же решения теперь принимались на основе трезвого расчета национальных интересов. Ярчайшим примером остается союз с христианской Арменией и взаимодействие с Россией по ряду вопросов, которые не только сохранились, но и углубились, несмотря на все идеологические постулаты об исламской революционности.

Иран научился использовать параллельные каналы воздействия в рамках

официальной дипломатии и активной работы в рамках переговорных процессов и двусторонних комиссий, развития приграничной торговли, инвестиций в инфраструктурные проекты (например, энергетика в Армении). Ранее позиционировавшееся как фундаментальное противоречие между декларациями об исламской солидарности и реальной политикой перестало быть аномалией и было фактически ликвидировано, став органической чертой иранского подхода, демонстрирующего примат государственных интересов над идеологическими.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный теоретико-методологический анализ трансформации внешнеполитической стратегии Исламской Республики Иран на Южном Кавказе в период с 1991 по 2025 годы позволяет сделать ряд основополагающих выводов, имеющих значение для понимания не только региональной политики Тегерана, но и природы современных гибридных международных акторов.

Внешнеполитический курс ИРИ в регионе прошел сложную эволюцию: от первоначального идеологического импульса и поиска ориентиров в начале 1990-х годов до формирования к 2020-м годам зрелой, устойчивой гибридной модели. Эта модель доказала свою относительную эффективность как в условиях стабильности, так и в моменты резких геополитических сдвигов, подобных тем, что последовали за Второй Карабахской войной. Ключевым результатом этой трансформации стало окончательное превращение революционной риторики из руководства к действию в инструмент легитимации, в то время как реальная политика стала определяться трезвым расчетом национальных интересов.

Иранская стратегия продемонстрировала незаурядную способность адаптироваться к экстремальным условиям, таким как санкционное давление и острая региональная конкуренция. Вместо ослабления, эти вызовы стимулировали развитие альтернативных, многоуровневых механизмов влияния, сочетающих официальную дипломатию, экономическое проникновение и неформальные силовые и идеологические каналы.

События 2020–2025 годов выступили оценкой устойчивости иранского подхода. Крах прежнего статус-кво, усиление Азербайджана и Турции, ослабление роли России и стремительный разворот Армении на Запад потребовали от Тегерана немедленной и точной корректировки. Ответ Ирана – вынужденный, но прагматичный диалог с Баку, поиск новых точек соприкосновения с прозападным Ереваном и активное использование многосторонних форматов, таких как БРИКС, – свидетельствует о том, что его гибридная модель является динамичной системой, а не застывшей догмой.

Таким образом, внешнеполитическая стратегия Ирана на Южном Кавказе остается ярким примером того, как государство, находясь в условиях системного давления, способно не просто выживать, но и активно формировать сложную, многомерную архитектуру своих региональных связей, где подлинным ориентиром является не идеология, а прагматичная и гибкая защита национальных интересов.

Развитие событий в 2025–2026 годах, включая эскалацию прямого военно-политического противостояния Ирана с США и Израилем в феврале 2026 г., сопровождавшееся ударами по ключевым объектам и руководству страны, а также ответными действиями Тегерана, в том числе за пределами Ближнего Востока, кардинально усилило неопределённость и риски для иранской внешней политики на всех направлениях, включая южнокавказское. Параллельно продвижение проекта «Trump Route for International Peace and Prosperity» (TRIPP) в рамках армяно-азербайджанского урегулирования под эгидой США, создание долгосрочных механизмов транзита через территорию Армении с существенным западным участием и маргинализацией традиционных игроков (включая Иран и Россию), а также зафиксированные инциденты напряжённости на ирано-азербайджанской границе и в приграничных районах, наглядно демонстрируют дальнейшее сужение пространства для манёвра Тегерана. Эти процессы подтверждают и обостряют ранее выявленные тенденции зависимости гибридной модели от внешних факторов и волатильности регионального баланса сил, одновременно создавая новые вызовы для сохранения стратегического присутствия Ирана на Южном Кавказе в условиях углубляющейся многосторонней конкуренции и потенциальной внутренней дестабилизации. В этой связи дальнейшее изучение эволюции иранской стратегии в постконфликтной и посткризисной перспективе приобретает особую актуальность.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Dadparvar S. Islamic Republic of Iran's Foreign Policy in the South Caucasus: Opportunities and Constraints. Cambridge Scholars Publishing; 2023. 515 p.
2. Heiran-Nia J., Monshipouri M. Raisi and Iran's Foreign Policy Toward the South Caucasus. *The Muslim World*. 2023;113(1-2):120-139. DOI: 10.1111/muwo.12460.
3. Звягельская И.Д. Южный Кавказ в иранской стратегии. *Россия в глобальной политике*. 2023;21(4):112-130.
4. Souleimanov E.A., Abrahamyan A. The End of the Second Karabakh War and Its Implications for Iran. *Middle East Policy*. 2021;28(2):123-138.
5. McLarren K., Stahl B. How States Punch above Their Weight: Introducing Hybrid Actorness as Expanded Foreign Policy. *Foreign Policy Analysis*. 2025;21(1). DOI: 10.1093/fpa/orae031.
6. Vatanka A. Iran, Turkey, and the Future of the South Caucasus. Middle East Institute; 2022. May 4. URL: <https://www.mei.edu/publications/iran-turkey-and-future-south-caucasus>
7. Федулов И.В. Международный транспортный коридор «Север-Юг» в новых геополитических условиях: текущее состояние и перспективы. *Восточная аналитика*. 2023;3:81-97. DOI: 10.31696/2227-5568-2023-03-81-97.

REFERENCES

1. Dadparvar S. Islamic Republic of Iran's Foreign Policy in the South Caucasus: Opportunities and Constraints. Cambridge Scholars Publishing; 2023. 515 p.
2. Heiran-Nia J., Monshipouri M. Raisi and Iran's Foreign Policy Toward the South Caucasus. *The Muslim World*. 2023. 2023;113(1-2): 120-139. DOI: 10.1111/muwo.12460.
3. Zvyagelskaya I.D. The South Caucasus in Iranian Strategy. *Russia in Global Affairs*. 2023;21(4):112-130. (In Russ.)
4. Souleimanov E.A., Abrahamyan A. The End of the Second Karabakh War and Its Implications for Iran. *Middle East Policy*. 2021;28(2):123-138.
5. McLarren K., Stahl B. How States Punch above Their Weight: Introducing Hybrid Actorness as Expanded Foreign Policy. *Foreign Policy Analysis*. 2025;21(1). DOI: 10.1093/fpa/orae031.
6. Vatanka A. Iran, Turkey, and the Future of the South Caucasus. Middle East Institute; 2022. May 4. URL: <https://www.mei.edu/publications/iran-turkey-and-future-south-caucasus>
7. Fedulov I.V. International North-South Transport Corridor in the New Geopolitical Conditions: Current State and Prospects. *Eastern Analytics*. 2023;14(3):81-97. DOI: 10.31696/2227-5568-2023-03-81-97. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Григорий А. Синдревич

Дипломатическая академия МГИМО МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2;
sindrevitch@gmail.com

Grigori A. Sindrevich

Diplomatic Academy of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia;
sindrevitch@gmail.com